

Съёмочная группа вошла в класс со всей своей громоздкой аппаратурой и тут же поймала на себе любопытные, но скованные взгляды детей.

— Вы кто такие? А где учительница Бай? — спросил кто-то из ребят посмелее.

Му Синчэнь объяснил детям, кто они, а потом взглянул на урок, который Бай Юй не успела закончить, и с радостью обнаружил, что всё это ему знакомо.

Вскоре они с Пубу Гэсаном уже повсюду общались с ребятами и прекрасно вписались в компанию.

□Восемнадцатилетний Му Синчэнь идеально влился в коллектив младшеклассников.□

□Вы видели, как он довольно улыбнулся, когда посмотрел учебник? Уметь читать учебник начальной школы — это повод для гордости?!□

□Обоим по восемнадцать. А теперь посмотрите на сестрицу Мяо: взрослая, спокойная, надёжная!□

Только двое мальчиков, сидевших в углу, по-прежнему молчали.

Одного из них Линь Ханьчжи узнал с первого взгляда. Это был тот самый ребёнок, у которого он выведал дорогу к дому старосты за одну конфету.

Сейчас мальчик засунул голову под парту и что-то без конца бормотал себе под нос — невозможно было разобрать, что именно.

Линь Ханьчжи подошёл и дважды легко постучал кончиками пальцев по столешнице. Ребёнок испуганно дёрнулся, стукнулся головой о парту и, держась за ушибленное место, вылез наружу.

— Во что играешь? — с любопытством спросил Линь Ханьчжи.

— Н-не скажу! — Мальчик, продолжая держаться за голову, распластался по парте так плотно, что полностью загородил собой всё внутри.

— Покажешь — дам тебе ещё одну конфету. Хорошо? — предложил Линь Ханьчжи.

— Не надо! — На этот раз отказ прозвучал быстро и решительно.

Потому что... одна конфета никак не могла сравниться с ним.

— А две? Те конфеты вкусные, ты ведь уже пробовал.

— Я её не ел! И не хочу! — Мальчик всё так же прикрывал парту, не позволяя никому заглянуть внутрь.

Это было неожиданно. В таком возрасте ребёнок разве что уже умеет сдерживать желание намочить постель — а вот устоять перед едой обычно не способен.

Тем более когда он впервые увидел конфету, едва не приклеился к ней глазами. И всё-таки смог не съесть?

— Ты её не съешь, но вдруг тот человек любит сладкое? Если ему достанется всего одна конфета, ему ведь будет грустно, правда? — хитро улыбнулся Линь Ханьчжи, изогнув персиковые глаза.

□Почему мне кажется, что наш брат-императрица слегка черненький внутри?□

□Мне тоже.□

□А вы чего ожидали от человека, который сумел прочно занять место во дворце императрицы?□

□Ты, сверху... чёрт, логично. Даже возразить нечего.□

Мальчик попался на уловку Линь Ханьчжи. Он долго колебался, но в конце концов всё-таки выпрямился и отодвинулся.

В тёмном пространстве под партой стоял сложенный под прямым углом лист белой бумаги. На нём было написано: «ти учителя Фана».

Перед «надгробием» лежала ириска, которую дал ему Линь Ханьчжи. Из-за жары она немного растаяла, прилипла к бумаге и тянулась липкими нитями, когда её пытались оторвать.

— Это я сделал надгробие учителю Фану... Взрослые сказали, что его тело не нашли. Но могила всё равно нужна, иначе он станет одиноким призраком без пристанища, и ему будет очень плохо.

— Учитель Фан из-за меня... Я не могу позволить ему стать одиноким призраком.

□А-а... так Фан Юаньван спас именно его?□

□Эх. Пусть ребёнок даже не умеет писать иероглиф «могила» и заменил его на ти, но он

правда от всего сердца хочет сделать для учителя Фана что-то хорошее.□

□Очень надеюсь, что Гугу найдёт его и господин Фан сможет забрать сына домой.□

Всё стало очевидно. Именно этого мальчика Фан Юаньван спас тогда. После того как селевой поток унёс учителя, ребёнок сделал ему бумажное надгробие и каждый день приносил подношения.

А конфета, которую дал Линь Ханьчжи? Такая драгоценная вещь, конечно же, должна была достаться любимому, уважаемому учителю Фану, перед которым мальчик чувствовал себя виноватым.

Он не знал, что примитивное надгробие из белого листа бумаги на самом деле не должно было иметь никакой силы. Он знал лишь одно: учителю Фану это нужно — значит, надо сделать.

Но... Линь Ханьчжи взглянул на «надгробие», и выражение его лица слегка изменилось.

Ци Гу явно заметил то же самое. Он быстро подошёл и серьёзно посмотрел на бумажное надгробие, к которому прилипла аура человеческой души.

— Как ты его сделал? — спросил Ци Гу.

Мальчик растерялся:

— Ну... просто вот так и сделал.

Он пробовал много раз и в конце выбрал самое красивое из своих творений.

Поняв, что больше ничего из него не вытянешь, Ци Гу сказал:

— Я могу спасти твоего учителя Фана, но для этого ты должен отдать мне это надгробие. Согласен?

Мальчик насторожился ещё сильнее:

— Ты... ты врёшь. Учитель Фан уже умер... Как ты его спасёшь?

— Это ты его спас. Он поселился внутри надгробия, которое ты сделал. — Ци Гу пока не понимал, почему совершенно обычный бумажный лист оказался способен удерживать душу, но решил сначала забрать его, внимательно изучить и уже потом разбираться, что именно произошло с Фан Юаньваном.

□????□

□Ничего себе. Так тоже можно?!□

□Это уже немного за гранью, нет? Да, намерения ребёнка очень трогательные, но разве надгробие из простого листа бумаги способно хранить душу?□

Мальчик с недоверием посмотрел на надгробие:

— Правда?

— Если врём — будем собачками, — первым заявил Линь Ханьчжи.

Мальчик долго сомневался, но в конце концов всё-таки отдал надгробие Ци Гу. Потому что он по-настоящему хотел увидеть учителя Фана живым.

Подумав, он ещё раз попросил ни в коем случае не сгибать и не портить надгробие, а если пойдёт дождь — обязательно накрыть его зонтом, и так далее.

Лицо у него было грязное, но в возрасте, когда он ещё толком не умел заботиться о себе, он уже заботился о надгробии.

Вдруг Мяо Юэ позвала:

— Брат Ци, ста... Лао Линь, быстро сюда!

Когда Ци Гу и Линь Ханьчжи подошли к одному мальчику, она выбрала другую сторону класса и заговорила с молчаливой девочкой.

У той были короткие волосы; от недоедания лицо приобрело болезненно-жёлтый оттенок, тело было тощим и слабым, а голова казалась непропорционально большой. Девочка смотрела в одну точку пустым взглядом. У ног стояла большая пластиковая бутылка из-под колы, заполненная мутной водой, в которой в панике плавали несколько серых мальков.

В воде болтались мелкие организмы, мусор и пыль.

Сначала Мяо Юэ решила, что девочка просто держит там рыбок.

Она несколько раз пыталась с ней заговорить, но та не произнесла ни слова. Подумав, Мяо Юэ решила начать с того, что девочке явно небезразлично:

— Малышка, это твои рыбки? А чем ты их обычно кормишь?

Девочка с пустым лицом наконец шевельнулась. Она непонимающе посмотрела на Мяо Юэ и медленно разомкнула потрескавшиеся от нехватки витаминов губы:

— Нет. Это... моя вода. Я её пью.

С этими словами она взяла бутылку обеими руками, запрокинула голову и прямо на глазах у Мяо Юэ начала пить.

Вместе с мутной водой девочка глотала планктон, мальков и плавающую грязь.

Даже Мяо Юэ, отличавшаяся довольно крепкими нервами, почувствовала тошноту.

А ребёнок будто пил сладчайший нектар. Прежде пустое, заторможенное лицо ожило, и девочка даже спросила Мяо Юэ, не хочет ли та тоже попробовать.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949065>